

Kopecký, Milan

**Прогрессивные тенденции в чешской литературе в период с конца
гуситского движения до битвы на Белой горе**

In: Kopecký, Milan. *Pokrokové tendence v české literatuře od konce husitství do Bílé hory*. Vyd. 1. V Brně: Univerzita J.E. Purkyně, 1979, pp. 183-188

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/121547>

Access Date: 21. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ПРОГРЕССИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В ПЕРИОД С КОНЦА ГУСИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ ДО БИТВЫ НА БЕЛОЙ ГОРЕ

I. Характеристика чешской литературы эпохи Ренессанс в период с конца 60-ых годов XV в. до 20-ых годов XVII в.

Автор предлагаемой книги ставит перед собой цель дать читателю возможность более глубоко ознакомиться с процессом развития чешской литературы в период с конца 60-ых годов XV в. вплоть до 20-ых годов XVII в. Гуманизм и Реформацию автор книги понимает как два варианта ренессансной культуры, исходя и базируясь при этом на введении к „Диалектике природы“ Ф. Энгельса. В отличие от идеалистических представлений о Гуманизме и Реформации как двух противоположных или независимых друг от друга течений, автор высказывает свое суждение о том, что Гуманизм и Реформация отражают одинаковую историческую тенденцию, а именно: стремление буржуазии завоевать политическую и экономическую власть. Однако оба эти течения свою опору искали в разных источниках: Гуманизм — в античном наследии, а Реформация — в первоначальном христианстве. Причем, обращаясь к античному наследию и первоначальному христианству, представители этих течений хотели „возродить“ предшествующую и современную им культуру. Оба течения, следовательно, относятся к вариантам „возрождаемой“, ренессансной культуры.

Чешская литература эпохи Ренессанс во многом продолжала традиции литературы гуситского революционного движения. Две наиболее прогрессивные тенденции гуситской литературы — стремление стать национальной и народной — необходимо подчеркнуть особо. В середине XV века латынь вновь начинает глубоко проникать в литературное творчество, несмотря на то, что чешский дух и чешский язык уже широко охватывают область культурных ценностей, в определенной степени становящихся достоянием народа в период гуситского революционного движения. Возникает латинский гуманизм, который, однако, не отражает жизнь гегемона культурных событий периода после гуситского движения и не решает его проблем. Этим гегемоном было бюргерство, которое в политическом и экономическом отношениях выросло как раз в период гуситских событий. Однако с самого начала правления династии Ягайло (1471—1526 гг.) бюргерство оттеснялось со своих позиций дворянством, а при вступлении в 1526 г. на чешский престол представителя Габсбургской династии, этот процесс усилился еще больше.

Ни одна из прогрессивных тенденций литературы эпохи Ренессанс не характеризовалась прямолинейностью. Так, например, стремление литературного творчества стать обще-национальным никак нельзя отождествлять с литературой, написанной на языке народа, т. е. на чешском языке. Литературу же, написанную на латинском языке, несправедливо и необоснованно считать ненациональной, космополитической, поскольку сочинения латинских гуманистов наполнены горячим патриотическим чувством и отвечают на национальные и социальные вопросы их эпохи, в то время, как

многие произведения, написанные по-чешски, отражают равнодушное отношение к жизни народа, причем даже в тех случаях, когда автору предлагалось занять определенную позицию. В популяризации образованности и в стремлении литературы стать общенародной не могло быть прямолинейности уже потому, что эксплуатируемый народ не был и не мог быть гегемоном культурной жизни. Что же касается линии приближения культуры к светской жизни, то этот процесс прямо насыщен сложными перипетиями, поскольку литература эпохи Ренессанс, да и вообще развитие феодализма находились в большой зависимости от господствующей идеологии современной им эпохи. Так как отмеченные выше тенденции часто переплетались, а в некоторых случаях и очень тесно были связаны с нравоучительной и другими тенденциями, автору при изложении конкретного литературного материала приходилось учитывать несколько факторов, с разных углов зрения освещающих прогрессивные тенденции. Так учитывалось классовое происхождение писателя, его отношение к разным слоям рождающегося национального общества, чувство патриотизма, обусловленное эпохой, изменения в отношении к авторитету церкви и к авторитету вообще, классовая принадлежность слушателя или читателя, а в некоторых случаях и многочисленность публики; затем принималась во внимание тематика произведения, художественная и языковая стороны и т. д. Отмеченные факторы образуют некоторую вариабильность, но одновременно представляют и логическую структуру прогрессивных тенденций, определяемых как общим историческим развитием, так и закономерностями соответствующего жанра.

II. Влияние античного наследия на прогрессивные тенденции чешской литературы эпохи Ренессанс

Проникновение античной культуры в чешскую литературу отмеченной эпохи происходило двумя способами: опосредствованно или же непосредственно. Первому, в отношении развития более старшему способу, отвечают произведения, непрямо знакомящие чешского читателя с выдающимися событиями и личностями античной истории, с античной литературой, философией и мифами. Часто результатом такой опосредствованной рецепции было смещенное, не всегда соответствующее правде, псевдоисторическое понимание античности. Однако положительным в этом способе принятия была интересная форма подачи материала и его светская направленность. Второй формой влияния античности на чешское литературное творчество периода между гуситским революционным движением и битвой на Белой горе было его прямое воздействие, отразившееся в переводах и художественных обработках греческих и римских литературных памятников. Авторы некоторых из них (Цицерон, Вергилий, Овидий, Гораций, Теренций, Плавт, Сенека и др.) были особенно любимы. Об этом свидетельствуют многочисленные цитаты из их произведений. Цитаты в форме длинных пассажей охотно включались авторами эпохи Гуманизма в произведения. Такие места иногда можно было встретить уже в источнике-оригинале, материал которого чешские авторы использовали буквально или в переработанном виде. В других случаях, включая цитаты в свой текст, авторы стремились освежить его или же, опираясь на античный авторитет, подчеркивали свое мнение и занимаемую позицию.

Специфику рецепции античного наследия в чешской литературе эпохи Ренессанс неправильно, однако, искать в двух способах ее принятия, т. к., например, славянские „Александриды“ являются доказательством не прямой формы рецепции уже в средневековье, которому была известна прямая форма, а именно — переводы или адаптация античных литературных произведений, или же отрывков из них.

Различие между средневековой культурой и Гуманизмом заключается прежде всего в том, что из античного наследия принимается и чему античное искусство служит. В период Гуманизма главное внимание обращено в особенности на римскую

литературу „эпохи Августа“. Из предшествующего периода принимался главным образом Плавт, Теренций и Цицерон, а из поздней литературы — Сенека, Тацит и некоторые мыслители; греческая литература проявляла свое влияние главным образом через гомеровские эпосы и часть художественной, философской и ораторской литературы аттического периода. Отмеченное творчество служило для решения актуальных социальных и общечеловеческих проблем и включалось в процесс приближения чешской литературы периода с конца гуситского движения до событий на Белой горе к проблемам светской жизни, тем самым освобождаясь из-под влияния церкви.

III. Эпика

В качественном и количественном отношении важное место в эпическом творчестве эпохи Ренессанс занимает составление хроник. В указанный период хроника имела несколько значений: произведения с исторической темой, новеллы, юмористического рассказа, басни. В этих жанрах автор преследовал цель постепенного сближения произведения в области темы и лейтмотива со светской жизнью, с жизнью народа и его проблемами. Однако, несмотря на свои художественные и идеологические достоинства, хроники не в состоянии были при отведенной им роли отразить такой образ человека, который мог бы отвечать представлениям современной им бюргерской публики, которой прежде всего и предназначалась литература. Автор поэтому и фиксирует свое внимание на определенном материале с центральными героями, вокруг которых сосредоточивалось повествование. К очень важным в отношении развития героям такого типа относятся главным образом Маркольт, Эзоп, Уленшпигель, Палечек, Фортунатус и Фауст, ибо их критическое отношение к обществу, религии, их простота и общедоступность, а у Фортунатуса ко всему еще и критика мещанского отношения к деньгам, носили прогрессивный характер. Они представляют собой образ нового человека, рождающегося в результате проникновения в производство раннекапиталистических отношений и появления буржуазии. О том, что названные герои звали вперед, свидетельствует, кроме прочего, и тот факт, что вновь переиздавались произведения, в которых они были центральным персонажем. Необходимо отметить, однако, что переиздание этих произведений является также и доказательством проявления всякого рода затруднений в области культурных отношений Чехии, т. е. следующие издания по большей части выходят после насильственно остановленного литературного развития в 20-х годах XVII века. Начиная с этого времени, рядом с героями, не полагающимися на сверхъестественные силы при решении своих проблем, появляется также и глубоко верующий персонаж. Мотивы разным способом адаптируются и деформируются. Так, например, судьба невинно мучающихся, а затем оправданных женщин была использована в религиозных или хотя бы в моралистических целях, особенно тогда, когда этому содействовала сюжетная основа типа „Истории о Еновете“. Герои менялись под влиянием общественной ситуации и в духе современных и художественных взглядов на литературное произведение. Эпохой обусловлен и схематизм действующих лиц. Они либо все положительны, либо, наоборот, отрицательны. Авторам и оформителям не хотелось видеть широкую шкалу морали между двумя крайностями. Это, однако, сопровождает чешскую литературу, главным образом ее воспитательно-правоучительную линию, вплоть до периода национального возрождения. Со схематическим пониманием героев было связано и статическое восприятие их душевного мира, развитию которого препятствовали и ограниченные возможности повествовательного жанра. Там, где внешний стереотип можно было преодолеть (Фауст, Фортунатус и др.), там одновременно предполагалось и дальнейшее развитие характера. С точки зрения возникновения и связи с отечественными прогрессивными традициями наиболее важной является фигура Яна Палечка, в действиях которого благородный гуманизм

и остро развитое социальное чувство переплетаются с моральным пафосом Реформации. Этот персонаж стал народным. К палечковской теме и к материалу о Яне Палечке относится то же самое, что Ф. Энгельс написал о фаустовской и агасверовской тематике в статье „Немецкие народные книги“.

IV. Драматургия

Из традиционных жанров каждая эпоха выбирает только те, которые отвечают ее требованиям, одновременно стараясь создать новые жанры, посредством которых можно было бы выразить проблематику эпохи. К отражению актуальной проблематики гуситской эпохи, правда, не было подходящей драмы, однако, этот пробел возмещался диалогом, бывшим, в сущности, одним из художественных средств драмы. Часть чешского драматургического творчества эпохи Ренессанс характеризовала антицерковная направленность. Однако одновременно с этим в ней решались и религиозные вопросы, тесно связанные с жизненной практикой, что было типичным для диалогов гуситского лагеря. Сатирическая драма чешского драматургического творчества по своим реформационным взглядам больше всего была связана с предшествующим периодом.

Сатирическая драма как жанр появилась в Чехии в первой половине XVI в. в результате перевода на чешский язык пьес Томаса Нагеорга-Кирхмейера о Паммахиусе и Меркаторе. По своей форме обе пьесы в контексте чешской драматургии добелогорского периода занимают особенное место. С точки зрения же чешской литературы как целого, они представляют собой часть лютеранской антикатолической литературы. В пьесах использованы различные стилевые пласты и средства аллегории, пародии, иронии и т. д. Оба произведения, вероятно, были предназначены прежде всего для чтения. Однако нельзя совершенно исключить и возможность их сценической реализации в школьных залах или костелах главным образом для публики некаатолически ориентированной. Ей они должны были давать наставления и полемически вооружать ее.

Следующая область драматургического творчества эпохи Ренессанс — пьесы с библейской тематикой — со средневековым связана самым непосредственным образом, а именно: источником ее была сама Библия. Однако в эпоху Ренессанс способ связи ее с Библией был несколько иным, чем в период средневековья, так как в ренессансный период интерес был направлен главным образом на Ветхий завет. Уже только одно это было предзнаменованием некоторого освобождения тематики от богословия. Чешские библейские пьесы содержали также ряд патриотических, народных и социальных мотивов, бесспорно имевших огромное общественное значение, так как большинство пьес показывалось публике. До некоторой степени это касается и третьей области драматургического творчества того времени, а именно — светской пьесы нравоучительного характера.

В чешских пьесах нравоучительного характера часто можно встретиться с комическими пассажами и мотивами. В некоторых случаях последние перерастали в самостоятельное сценическое выступление. Так же, как и в эпике в нравоучительных произведениях и здесь переходились границы вплоть до возникновения юмористических повестей. Успех произведений данного типа, видимо, зависел от способности артистов на маленькой сцене и из сравнительно бедной в историческом отношении основы создать настоящий фарс. В эту форму художественного творчества включались диалогические и драматические проявления древней масленичной традиции, доказывающей жизненность народной масленицы, при которой ослабевали условности или с терпимостью относилось к необузданности юмора и пародии на официальную литературу и религиозный ритуал. Большинство исследованных драматических произведений, правда, представляли собой редакцию переводов с других языков, однако,

это несколько не снижает достоинства и значение отмечаемой литературной традиции, которая специфическим образом свидетельствует о том, что Ренессанс расширил кругозор чешского человека, поднял на должный уровень его самосознание и в драматическом творчестве, наконец, провел в жизнь линию освобождения от богословия и приобщил к общенародной культуре.

V. Лирика и другие несюжетные формы

Дав теоретическое определение понятию „парафраза“ и охарактеризовав парафразы псалмов эпохи Ренессанс, автор книги переходит к светской лирике. Вплоть до XVI в. она хранилась по большей части в рукописях, да ко всему еще в небольшом количестве. Все это убеждало ранних историков в том, что данная форма творчества не получила широкого признания общества. Это мнение было пересмотрено в результате находок разного печатного и рукописного материала, открытого в Брненской университетской библиотеке в 1961 г. Наиболее ценными и важными в нем являются любовные стихи, представляющие собой 1/5 или даже 1/6 часть первоначального собрания. Специфичность обнаруженных стихов, относящихся примерно к середине XVI в., объясняется смешением трех слоев образов и художественных оборотов: средневекового слоя, уже ренессансного и народного. Яснее, чем два последних, в стихах проявляется первый слой, что безусловно можно объяснить типично средневековым пониманием любви в некоторых стихах. Автор предлагаемой работы, однако, сосредоточил свое внимание на тех мотивах, которые не обычны для средневековой лирики. В нескольких стихах, а в некоторых из них и во многих местах, средневековое христианско-куртуазное понимание заменено ренессансным или даже народным.

Злободневная песня добелогорского периода обычно реагировала на конкретные общественные и политические явления, а ее критическая, полемическая и агитационная направленность усиливалась главным образом в такое время, когда выкристаллизованной была идеологическая и политическая сторона жизни. На события 1546—1547 гг., 1608—1609, 1618—1620 гг. откликаются разные сатирические произведения, пасквили, памфлеты и пародии. Часто они направлены против церкви и против папы. Их сущность заключается в защите и пропаганде прогрессивных политических и общественных тенденций, не исключая и „земных“, мирских ценностей. Для этого используются разнообразные литературные формы и художественные средства. Это касается как описывающей, так и карающей нравы линии добелогорской сатиры, отражавшей по большей части образ мышления мелкого бюргерства и народных слоев. Ее создатели, в большинстве своем непривилегированные люди незнатного происхождения, но гуманистически образованные, уже в начале XVI в. высмеивали официальную мораль и образ жизни, нередко пользуясь при этом пародией.

В чешской и латинской литературе эпохи Ренессанс часто встречается письмо, как один из очень важных несюжетных жанров литературы того времени. Письмо периода Гуманизма в значительной степени было явлением общественным. Оно писалось не столь для того, чтобы высказать и передать информацию чисто личного содержания, сколь для того, чтобы публично демонстрировать определенную позицию. Разная степень неотложности решения проблемы делит эпистолярный жанр периода Гуманизма на две части: „вневременную“ и актуальную. Предметом первой части являются, как правило, философские вопросы и различные рассуждения, не касающиеся актуальных событий, в то время как актуальная эпистолография занимается разнообразными жгучими вопросами современности. Содержание первого раздела ориентировалось на образованного читателя, и форма произведений, входящих в него, имела исключительный характер. Произведения же второго раздела предназначались массовому читателю и характеризовались народной формой выражения. Для произведений обоих разделов благоприятными были как сложные политические

и культурные отношения после гуситских событий, так и спрос общества. Трудность в исследовании произведений эпистолярного жанра отмеченного периода возникала иногда при определении правильного места конкретного письма в сфере между его частной и общественной направленностью. Автор демонстрирует это главным образом на „Апологии“ Карла старшего из Жеротина (1606 г.), на письме, имеющем все характерные черты ораторского искусства. Идея Реформации в нем прекрасно выражена в гуманистической форме. Это дало право автору предлагаемой книги включить Жеротина в литературное творчество периода послегуситских событий, находящееся на высоком идейном и художественном уровне, т. е. в такой творческий процесс, который представлен произведениями Викторина Корнеля из Вшегрд, Микулаша Конача из Годишкова, Яна Благослава и Даниэля Адама из Велеславина с вершиной своего развития — творчества Яна Амоса Коменского. „Апология“ Жеротина относится к кульминации чешского эпистолярного жанра периода Гуманизма. Своей вершины в отмеченный период достигает и ораторский жанр — риторика, в течение столетий используемая в религиозных целях, а теперь становящаяся на службу решений светской проблематики в интересах чешского народа и его языка.

Заключение

На рубеже XV—XVI вв. теоретически защитив свое право на существование на чешском языке, а в начале XVI в. отстояв и право на разработку светской тематики, чешское литературное творчество постепенно начинает разрастаться вглубь и вширь. В нем появляются реалистически понимаемые городские и народные герои; в эпике зарождаются предпосылки для новой беллетристики, драма переходит в народную драму, лирика и другие несюжетные формы отражают мышление и чувства человека, освобождающегося от априорных церковных и нравственных категорий, специальная теоретическая и научная литература начинает служить прогрессивным слоям общества. Развитие, однако, не шло по прямой линии, но, несмотря на это, первоначальная исключительность гуманизма в своей национальной разновидности становится явлением общим и наконец в период, названный в честь выдающегося художника слова „велеславинским“, плодотворно переплетаясь в литературной культуре с Реформацией, гуманизм завоевывает широкое поле для распространения так называемого „народного чтения“.

Обнаружение нескольких переломных периодов в словесности эпохи Ренессанс и характеристика данного творчества вообще с позиций прогрессивных тенденций, заставили автора книги предложить следующую периодизацию:

1. с конца 60-ых годов XV в. до рубежа XV—XVI вв.;
2. с конца XV в. и начала XVI в. до конца 20-ых годов XVI в.;
3. с конца 20-ых годов XVI в. примерно до 1547 г.;
4. приблизительно с 1547 г. до начала 70-ых годов XVI в.;
5. с начала 70-ых годов XVI в. до конца XVI века;
6. с конца XVI в. до начала 20-ых годов XVII века.

Достижения прогрессивных тенденций чешской литературы эпохи Ренессанс могли продолжать так называемое „полународное“ и народное творчество периода послебелогорских событий. Свою долю в этот процесс внесла также и литература эмигрантов и до некоторой степени официальная отечественная литература. Более чем два столетия чешский язык периода популяризированного гуманизма был общим языком чехов и словаков, причем необходимо отметить, что в это время наиболее тяжелого социального и национального гнета чешский язык был одним из факторов, укрепляющих многообразную братскую связь и надежду на будущее этих двух народов. Прогрессивные тенденции, идеологические и художественные достоинства литературы добелогорского периода, кроме прочего, имели также и огромное влияние на чешское национальное возрождение, создавшее благоприятные условия для качественно нового этапа в развитии чешской словесности.